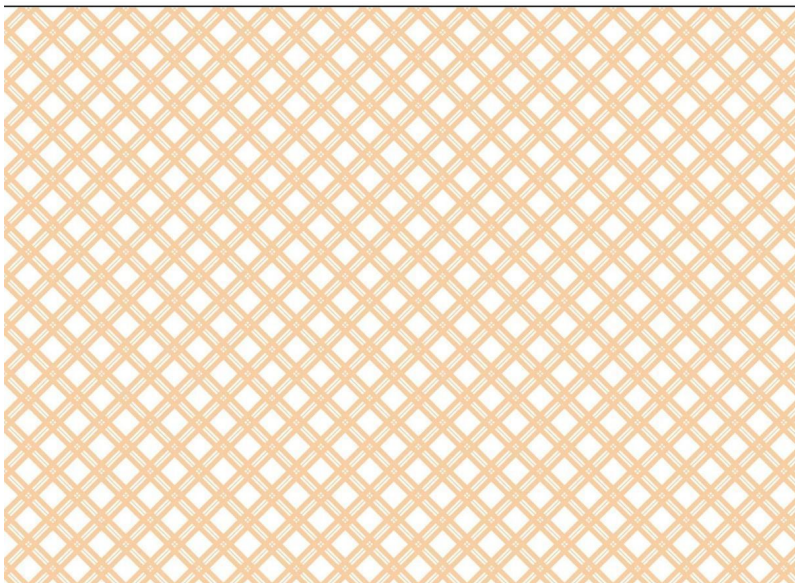

Альбина Карповна Саульян

Дара

Повесть

Альбина Карповна Саульян

Дара. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36329632

ISBN 9785448569760

Аннотация

Изменения в стране влекут за собой изменения в судьбах целых народов и отдельных человеческих судеб. Конфликтные ситуации делят жизнь на «до» и «после».

Дара

Повесть

Альбина Карповна Саульян

© Альбина Карповна Саульян, 2019

ISBN 978-5-4485-6976-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вечерами Дара любила прогуливаться у моря в одиночестве. Ей так нравилось слушать тишину: шелест листьев, песню ветра и моря, слившуюся воедино. Шипение волн завораживало и убаюкивало, как будто сказка, рассказанная на ночь. Пенистые волны с возмущением набегали на песчаный берег, слизывая с него любые, даже самые незначительные следы чужого присутствия, и оставляли после себя идеальную зеркальную гладь. Дара присела на большой серый камень под белоствольными эвкалиптами, прислушалась. Там, высоко – изумрудная листва о чем-то перешептывалась с ветрами. Как же замечательно ни о чем не думать, а просто вслушиваться в ненавязчивые таинственные звуки природы, будто вокруг ничего и не существует, а суетный мир людей где-то далеко-далеко.

Дара встала, лениво подняла голову вверх – белые стройные стволы деревьев стремились в небо. Там высоко в их вершинах запуталось солнце. Дара наклонила голову немного в сторону: вырвавшееся из тени солнце ослепило глаза. Стояв так секунд пять, она спрятала лицо в тень. Над головой пролетела птичка, что-то возмущенно и громко щебеча. Из груди Дары невольно вырвался смешок. Птичка напомнила ей сварливую, но добрую соседскую бабушку. Наслушавшись шелест деревьев, Дара медленно пошла к морю, на самый берег. Море она любили всей душой за величавое великолепие, за красоту в спокойствии или в гневе. Она часами могла смотреть на него, ни о чем не думая. Сколько силы, красоты и величия в этом творении природы! Сейчас море было спокойное, ярко-голубого, почти синего цвета. Легкая рябь не нарушала его покоя, а, наоборот, сверкающими переливками подчеркивало красоту, как грани драгоценного камня. Пенистая белая волна омыла ноги Дары. Ощущение морской прохлады было легким и приятным. Закрыв глаза, Дара подставила лицо легкому морскому ветерку, почти ощущая губами его солоноватый вкус. Ветер весело трепал ее распущенные каштановые локоны, то приподнимая их над головой, то игриво опуская на лицо. Все это было вступлением перед игрой – игрой Дары и морем, игрой, которая не прошла с детством, а, наоборот, превратилась в какой-то ритуал.

Так Дара постояла еще несколько секунд, затем развернулась и медленно побежала вдоль берега. Пока волна бы-

ла уходящей за Дарой тянулся ее собственный, хорошо отпечатанный на морском песке след. Через несколько секунд, не останавливаясь, Дара оглянулась: набегающая волна с шипением и негодованием слизывает ее следы. Это придает азарт и желание бежать быстрее, соперничая с волнами. Чем быстрее будет она бежать, тем больше оставит следов и тем гневнее будут их слизывать волны. И вот уже дыхание Дары становится прерывистым, а молодые ноги бегут быстрее и быстрее, пускай из последних сил, неважно. Еще один мимолетный взгляд через плечо – дорожка хорошо отпечатанных следов все больше, и все старательнее слизывает их море своим пенистым и шершавым языком... Ноги подгибаются, они дрожат в коленях от усталости, и обессиленное тело опускается на берег. Дара лежит на животе, ногами к морю. Дыхание тяжелое, прерывистое, зато в душу как будто влили большую порцию новых сил, энергии и желания творить. Теперь волны не сердятся, они ее жалеют, набегаая легкой прохладной пеной на ноги, унося с собой боль и напряжение. и вот уже уставшее тело Дары медленно брело по направлению к дому, а сердце радовалось и ликовало, само не зная чему.

В природе буйствовала безумная, безудержная весна, одна из немногих мирных весен перед общей большой бедой. Этой весной Дара закончила школу-десятилетку. В конце июня, сдав экзамены, их большой дружный класс вместе с учителями в последний раз собрались вместе на выпускном

балу. Праздник удался на славу, как будто и не было экономических трудностей в это время. На самом же деле жизнь после официального распада СССР стала намного труднее. Но люди продолжали верить, что это временные трудности, их надо пережить для того, чтобы все стало по-прежнему. Исчезли стабильность и защищенность, к которым привыкли за многие десятилетия советской жизни. Но, несмотря на весь негатив происходящих событий, ничто не предвещало беды. А она пришла. И как обычно неожиданно. Это был самый настоящий гром среди ясного неба. 14 августа 1992 года в Сухуми началась война. Она входила медленно. Люди пока еще жили своей обычной жизнью. Но в больницах города увеличивалось количество раненых – и это было еще одним явным доказательством, что война не утихает, а наоборот...

Дара жила в пригороде Гали, Сухуми был от них недалеко. Она, как и многие другие, никак не могла в это поверить, принять. Да и как можно было это принять? В Сухуми, таком красивом, цветущем многонациональном городе шла война, и это никак не укладывалось в сознании. То, что раньше Дара видела только в кино, о чем читала в книгах, происходило совсем рядом, в знакомом до боли городе. Но, что совсем не укладывалось в голове, так это то, как могут воевать между собой абхазцы и грузины, что им делить! Ведь всю жизнь прожили вместе, даже не задумываясь о национальностях. В Гали было тихо. Война еще не протянула сюда свои щупальца, но в душах людей уже поселила тревогу и страх пе-

ред будущим.

Дара ловила себя на мысли, что все думает и думает о своих одноклассниках – абхазцах. Каждый представлял мысленно перед ней. Но разве может она увидеть в ком-то из них что-то плохое только потому, что он абхазец? Разве может на кого-то поднять оружие она, грузинка? А кто-то из них поднять оружие на нее может? Бред какой-то! И дед Заур, что живет по соседству – тоже абхазец – такой добрый, его так любили дети. Он все время угощал Дару чем-то вкусным и с самого детства разговаривал с ней, как со взрослой. Как-то ее испугал бычок, которого вместе с коровой подгонял дед Заур. Она кинула в бычка камушек, а теленок, испугавшись, подпрыгнул и пробежал несколько шагов вперед. Тем временем корова сильно занервничала, и дедушка Заур объяснил глупой маленькой Даре, что корова не испугалась, а за детеныша волнуется, ведь она его мама. У деда Заура были добрые светло-карие глаза, а на лице – всегда теплая улыбка. Но почему-то он всегда оставался слегка грустным.

И вновь проплывали картины детства в памяти. Вот она, маленькая Дара, дерется с одноклассницей Марго. Марго – абхазка. Дара так и не вспомнила, чего они не поделили. Это сейчас пометила, что Марго абхазка, а тогда они просто дрались, не задумываясь, кто какой национальности. А еще Даре вспомнилось, как накануне этих событий, когда в обществе уже ходили тревожные слухи, она с волнением в голосе спросила у мамы, что она думает обо всем этом. Мама ответила,

что ничего не будет. Смешно – представь, что абхаз пойдет войной на грузина. И привела в пример семью дяди, живущего через два дома. «Разве мы можем с ним поссориться только потому, что мы разных национальностей?» «Но ведь воюют же армяне и азербайджанцы?» – тревожно настаивала Дара. Но мама заверила, что это совсем другое. «Они воюют из-за земли, которая до революции была частью Армении, а потом вошла в состав Азербайджана. «Но самое главное, – привела мама неоспоримый аргумент, – Это – совершенно разные народы. Армяне одни из самых первых приняли христианство, а азербайджанцы – мусульмане. Большинство войн в мире происходят или из-за территории, или из-за земли. Так что успокойся, Дара, абхазам и грузинам делить нечего. Нечего», – убедительно подчеркнула мама.

Тогда мамин ликбез по истории убедил Дару. Это успокоило ее, ведь мама не может сказать неправду. Дара вытерла слезу ладонью, вздохнула... «Эх, мамочка, – подумала она. – Ты меня тогда не обманула, ты меня никогда не обманывала. Это тебя, мою любимую, обманули, как и всех, как каждого в отдельности». В окно Дара увидела, как отворилась калитка и по тропинке к дому шла мама. Вдруг стало заметно, что она вся немного согнулась, куда-то исчезла мамина прямая осанка, и лицо стало печальным. Тут Дару поразила догадка – мама тоже знает о неизбежном, просто виду не подает. Даре вдруг захотелось оказаться рядом с мамой, обнять, укрыть ее от всех невзгод каким-нибудь платком, чтобы ей

было уютно и тепло.

Дали открыла дверь и вошла в дом. Дара подбежала к ней, обняла и вместо того, чтобы привычно улыбнуться, как и собиралась, вдруг расплакалась. Растерянная Дали обняла дочь, встревожено спросила, что случилось. «Ничего, мам, не случилось, – всхлипывая, сказала Дара, – просто я тебя очень люблю». Дали догадалась, что у дочери просто не выдержали нервы. Она нежно погладила Дару по голове: «Не плачь, родная, успокойся. Пойдем мы лучше с тобой покушаем, я так проголодалась». Дара взяла у мамы пиджак и пошла в дом. Мамин голос был таким родным, успокаивающим, что на душе сразу стало легче.

Постояв еще немного, Дара пошла дальше бродить по дому. Медленно провела ладонью по старинному комоду – поверхность дерева была приятной на ощупь – и вдруг с болью поняла, что хочет всегда находиться среди этих вещей. Подниматься по скрипучим деревянным ступеням на веранду, любоваться картинами моря, бродить по саду среди мандариновых деревьев. Дара перевела взгляд на строящийся дом. Как хотелось видеть его уже построенным! Он прекрасно впишется в их уютный, по южному зеленый двор. Здесь все, буквально все, каждый маленький камешек, каждая травинка, такая знакомая и родная до боли. И вот все это надо будет покинуть по чьей-то прихоти. Дара вздохнула, закрыв глаза, и тут же почувствовала, как сердце сжалось, и стало больно, почти физически. Сделав вдох, Дара решительно вышла

во двор. Акбар радостно заскулил, виляя хвостом. Дара погладила пса по рыжей морде и пошла дальше. Тот, повизгивая, смотрел ей вслед, не переставая махать хвостом.

На пороге сарая она остановилась, оглядела все так, будто впервые видит, и стала жадно прислушиваться. Стояла мягкая обволакивающая тишина. Здесь, в маленьком, ничем не приметном сарайчике, ощущались какая-то вселенская тишина и спокойствие. Пахло свежескошенным сеном. Дара попыталась осторожно втянуть этот аромат, не нарушая умиротворенности. Обоняние выловило ароматы отдельных трав, знакомых с детства. В углу сарая лежал бычок и мирно жевал сено, не обращая никакого внимания на незваную гостью. Дара притихла. Господи, до чего же остро здесь чувствовалось то настоящее, доброе, вечное, идущее из глубины веков! Мысли Дары переметнулись в настоящее: где-то, совсем рядом в Сухуми шли военные действия. А здесь мир, такой тихий, настоящий мир. И разве можно представить, что кому-то придет в голову покушаться на это? Нет, все вокруг ошибаются. Бывает же такое, когда ошибаются все, а не один человек...

Бесшумными шагами Дара подошла к бычку, погладила его по шелковистому лбу. Тот продолжал жевать, не обращая на нее никакого внимания. «Так, надо взять себя в руки, иначе можно сойти с ума. Всем сейчас плохо, я не одна такая...» Чувство тревоги все усиливалось, загоняя надежду в какие-то самые глубокие уголки души.

Двадцатые числа октября ознаменовались каким-то вялым переселением народа, а именно из северной части – в южную. Выйдя на дорогу, Дара часто встречала груженные житейской тварью машины. Это были и грузовики, и легковушки, и все они направлялись в глубь страны – в Зугдиди, в Тбилиси. В конце октября Гали посетил сам президент Грузии Гамсахурдия, собрав большую толпу народа у здания галльского райисполкома. Он заверил людей, что военная обстановка в Сухуми скоро закончится, и все будет по-прежнему, то есть мирно. И опять в сердцах многих затеплилась надежда, что весь этот абсурд утрясется. Это был обычный вечер, если не считать чувства тревоги, перемешенного с чувством надежды. Но это в последнее время стало привычным. Первой пошла спать Дара. Спустя полчаса даже во сне ей снилось множество милицейских машин, отовсюду раздавалась сильнейшая сирена, как будто это было кино. И чей-то громкий голос что-то сообщал. Смысл слов никак не доходил до сознания, но даже во сне Дара почувствовала, как душу сковывает леденящий страх. Потом этот звуковой хаос и всепоглощающий страх прорезал мамин голос. И одновременно чьи-то руки стали толкать ее в плечо. Каждое слово молнией долетало до сознания:

– Просыпайся, Дара, немедленно!

Дара подскочила. Почти физически почувствовала, как выныривает из этого кошмара, еще не догадываясь, что кошмар наяву куда более ужасный.

– Что, мам, случилось?

Голос мамы звучал резко и решительно:

– Надо быстро собирать все необходимое, мы уезжаем.

Сознание пронзила мысль: случилось то, чего так боялась и ждала в последнее время. Только теперь до сознания дошло, что сирена и голос – это не сон, а реальность: «Оставляйте город. Абхазская армия уже в Ачамчири. Уходите в Тбилиси!» И тут Дара неожиданно для себя затараторила:

– А что нам могут сделать абхазцы? Мы ведь вместе живем, ничего они нам не сделают!

Мама собирала какие-то вещи:

– Мы не будем рисковать жизнями. Все наладится, и вернемся. А пока живо собирайся!

В голосе мамы присутствовали какие-то железные нотки, и это заставило подчиниться безоговорочно, как солдат командиру. Оказалось, что ее сознание в минуты необходимости работало четко и продуктивно. Документы, имеющиеся немногочисленные украшения, кое-что из теплых вещей... Пальцы безжалостно и решительно выдирали фотографии из альбома. Старый серый картон безжалостно трещал и рвался. Дара небрежно закинула фотографии в тканевый мешочек, затем стремительно подбежала к картине «Осенняя аллея». Стала снимать ее со стены.

– Берем только самое необходимое! Нас возьмут с собой соседи, у них свои вещи.

– Это и есть необходимое, мам!

Через некоторое время пришел взволнованный сосед и сказал, что выезжают через минут пятнадцать – двадцать. Во всех домах по соседству горел свет. Большинство людей собиралось покинуть свои дома и бежать в никуда. Но были и такие, которые, не смотря ни на что, твердо решили не покидать родного очага. В основном это были старожилы. Даже страх перед гибелью не мог заставить их покинуть родину кров, который сейчас олицетворялся с гибелью. Дара выбежала во двор, как можно глубже втянула ароматный бодрящий ночной воздух. Отовсюду слышались до боли родные соседские голоса. В ночном воздухе было густо разлито чувство страха и безысходности. Дара растерянно стала оглядываться по сторонам. В сарае горел свет, и это привлекло ее внимание. Ноги машинально понесли туда, даже не зная зачем. В углу сарая тихо лежала корова и прижавшийся к ней рыжий теленок. Кто о них позаботится. В отличие от дома и двора здесь было несуетно. Дара притихла, слух уловил мирное дыхание коров. На какой-то момент почудилось, что вся суета напрасна, потому что здесь также мирно и тихо, как всегда. Но мысли безжалостно вернули ее в реальность. «Мы уезжаем на неизвестное время. А как же Марта и ее сынок? Кто о них позаботится?» Она еще раз посмотрела на корову с теленком, и слезы полились из глаз с такой силой, как будто два горных ручейка. Из груди вырывались глухие всхлипывания. И от этих непонятных звуков теленок вздрогнул

и теснее прижался к корове. Не сдерживая слез, Дара направилась во двор. Время поджимало. От всеобщей суеты Агбар лаял и метался на привязи. Дара подошла к нему, обняла пса за шею, уткнулась мокрым лицом в его лохматую шерсть и зарыдала с новой силой. Пес вывернулся и начал слизывать теплым языком соленые ручейки слез с лица хозяйки. А вокруг шло какое-то недоброе кино, в котором люди были актерами не по своей воле.

За собраниями стало светать. В голове Дары никак не укладывалось, что в их маленький родной домик, сейчас казавшимся почти святым, кто-то ворвется. Как по этому дощатому полу, помнившему теплоту шагов бабушки и дедушки может ступить нога врага. То есть абхазца. Но слово враг и абхазец никак не могли соединиться в одно целое. И от этой мысли чувства страха и безысходности становились всепоглощающими. Сердце щемило, а слезы все текли и текли бесконечными ручейками. И дара машинально размазывала их по покрасневшему лицу. Станный злой сон или кино, или непонятно что все продолжался. Наверное, мама неокончательно ее разбудила – промелькнула мысль. Мысли перебивали одна другую, и голова не совсем соображала, где реальность.

Пожитки закинули в грузовик рядом с соседскими вещами. Люди на улицах плакали, прощаясь друг с другом, оставляли свои дома и уезжали в никуда. Дара все смотрела и смотрела на дом, который сейчас ей казался живым су-

ществом. Дом умолял не покидать его, и Дара чувствовала себя предательницей. Правая рука машинально размазывала слезы по лицу, а вот левая все тянуло тело в сторону. Дара перевела затуманенный взгляд на руку. Это Агбар тянул короткий поводок, намотанный на кисть руки. Сознание Дары снова стало воспринимать реальность.

– Ну, все, дочка, хватит. Простилась с домом – залазь в машину. Нас соседи ждут! – мама тоже была заплаканной. Но голос был решителен. Первой залезла в кузов. Дали сосед подал руку.

– Дядь Заур, помоги! – обратилась Дара к соседу. Собака никак не хотела лезть в машину.

– Может, оставить его, Дара, куда мы с ним? – робко спросила Дали.

– Не оставлю, иначе сама не поеду!

– Не переживай, Дали, и собака поместится. Хватит места! – попытался разрядить ситуацию Заур. Он быстро прыгнул и закинул сопротивляющегося пса в машину, затем помог подняться Даре. Сильно груженная машина с трудом тронулась с места. Вокруг двигались люди, ехали машины. По правую сторону медленно прокладывала себе путь тележка, груженная людьми. Маленький ослик, впряженный в повозку, еле тянул тяжелую для него ношу. Даре стало жалко ослика. Сознание опять затуманивалось, переноса ее из реальности в сон. Дара перевела взгляд с ослика на людей. Рядом все ехали молча. Каждый думал о своем, но по боль-

шому счету мысли и боль у всех были одинаковыми. Дара инстинктивно прижалась ближе к маме, придвигая к своим коленям притихшего пса. Машина ехала очень медленно. Теперь взгляд Дары опять впился в ускользящий из поля зрения образ родного дома. Глазниц окон, занавешенных голубыми занавесками, просили Дару остаться. Но теперь она ощущала себя песчинкой в сильно штормившем людском море и ничего не могла поделать. Все было власти стихии. Теперь дом совсем скрылся из виду, и в сердце Дары оборвалась последняя ниточка надежды. Мысли окончательно перепутались. Где-то в груди что-то сильно колотилось и болело. До сознания никак не доходило, что это сердце. Горячие ручейки слез все бежали и бежали, и тоже сами по себе.

Машина подпрыгивала на неровной дороге вместе со своими пассажирами. Но никто этого не замечал. И только Агбар после каждого раза пытался заново устроиться поудобнее. Пейзажи меняли один другой, но Дара этого не замечала. Перед глазами непонятными узорами, как в калейдоскопе, стали вспыхивать картинки из прошлой жизни. Вот бабушка дерет расческой ее непослушные волосы. А вот Дара с подружкой заливаются веселым смехом. Море такое синее и ослепительно красивое. Волна набегает на босые ступни... Через все эти картинки на нее смотрят улыбающиеся карие глаза. Что-то в глубине этих глаз такое теплое и надежное, что в израненной душе Дары вспыхнул маленький несмелый лучик. Вспыхнул и тут же погас. Она отчаянно пытается

вспомнить, кому же они принадлежат, Но ничего не получается. А вот она нарядная, довольная с большим букетом георгинов идет в первый раз в первый класс. А рядом идет мамочка. Дочь и мать держатся за руки и обе счастливы. А вот Дара сидит под мандариновыми деревьями, кушает сочный мандарин и плачет. Бабушка дала ей взбучку, а за что Дара не помнит. И, все-таки, кто же владелец этих карих глаз? Сознание отчаянно пытается вспомнить, но память отказывается ему помогать. Музыка, полилась чудесная печальная музыка. Скрипка печалилась, плакала и радовалась одновременно. Это музицировала Диана, живущая через дом. Звуки музыки исчезли также неожиданно, как и появились. Теперь в мысли ворвалось какое-то собачье поскуливание. «Ты собак любишь?» – спрашивал приятный глубокий голос, принадлежавший владельцу карих глаз. Дара хотела ответить, что обще любит животных, но не успела. Собачье поскуливание повторилось. Она вернулась в действительность. Это поскуливал Агбар, уставший от непривычно долгой дороги. Мамина соседка с другого бока что-то тихо причитала, как в забытьи, и раскачивалась из стороны в сторону. Потом Дара перевела взгляд на маму. Та что-то говорила, пытаясь успокоить женщину. В этом хаосе лицо мамы казалось единственно реальным. Пока мама рядом, есть надежда, что все эти испытания временные. Надо быть сильной ради мамы, ради себя, ради родного дома, в который они непременно вернуться. Они имеют права по-другому. Ни она, ни мама.

И никто из этих людей, находящихся рядом. По лицу скользнуло что-то теплое и влажное. Это Агбар лизнул ее в щеку. Дара легонько оттолкнула собачью морду, попытавшуюся повторить это еще раз. Потом воображение Дары снова унесло ее в недавнее счастливое прошлое, и калейдоскоп воспоминаний закрутил узоры с новой силой. Дара не понимала, что так, погружаясь в прошлое, защищалось ее сознание.

То, что происходило дальше, как-то плохо запоминалось. Наверное, память, как и душа, устала. Был тетин дом, грустные лица братьев и сестер, но лица родные, пытающиеся поддержать, подбодрить. «Мама, мамочка», – ее присутствие Дара ощущала как что-то по-настоящему надежное, родное в этом далеком доме, злом кино. Беженцев селили в домах отдыха, в пансионатах. Государство пыталось помочь своим гражданам: какое-то время им было обеспечено горячее питание и выплачивалось ежемесячное денежное пособие – сумма мизерная, но и за это спасибо. В одном из таких пансионатов, который, похоже, был детским оздоровительным лагерем, и жили теперь мама с Дарой и верным Агбаром. На все мыслимые и немыслимые уговоры тетушки остаться в их большом доме, Дали отвечала отказом. Ей с дочерью дали две отдельные маленькие комнатухи на первом этаже. Дара так и не поняла, почему бы им не жить вместе с семьей тети (своим отказом они даже обидели тетушку и ее мужа), но Дали приняла решение, сама не зная, чем оно было вызвано.

Итак, теперь жизнь была другой. Но Дару в последнее время ничего не удивляло, она готова была согласиться со всеми неудобствами, лишь бы нигде не встретиться с этим невообразимым чудовищем – войной. Не видеть, как несет она горе и рушит все самое святое в жизни Дары – ее дом. И Дара мысленно просила его выстоять, не попасть под шальной или прицельный снаряд, отторгнуть непрошенных гостей из своего лона, пусть даже они растаскивают все, что можно вынести. Но дом, подобно живому существу должен был пройти сквозь унижения, пусть с разбитыми окнами и дверями, но он должен был выстоять, для того, чтобы через какое-то время встретить их – Дару и Дали. А они, в свою очередь, обязательно вылечат его, вставят ему глаза окон, поставят двери, выкрасят, отопреют своим теплом, наполнят шумом голосов, и дом простит им, что они его покинули. А мудрая Марта, наверное, спрячется со своим теленком.

– И множество знакомых Дары жили в таких же условиях, как и она с мамой. Здесь в Мзиури были даже три семьи соседей по улице. Почему-то Даре не хотелось думать о знакомых людях – где-то глубоко-глубоко в душе притаились злоба и обида на всех людей, допустивших весь этот ужас, происходящий на Родине. Бог дал людям ум и наделил речью, но они позабыли и про первое, и про второе, иначе не допустили бы всего этого. Дара предпочитала избегать любых рассказов о войне, о горе, постигшем общих знакомых. Этого ей совсем не хотелось. Жизнь Дары и Дали постепенно

входила в новое, другое русло и потихоньку налаживалась. Если слово «налаживалась» было приемлемо в к творящемуся вокруг хаосу. Старый строй, казавшийся незыблемым почти всем советским людям, разрушался на глазах.

– Постепенно пришло осознание, что прежняя жизнь никогда не вернется. Но надежда на возвращение в родной очаг все равно не покидала. Некогда единую территорию разделили, поставив пограничный пост между Зугдиди и Гали, и теперь родной город Гали остался в Абхазии. А Дара была грузинкой. И все это, как и многое другое не удивило никого, но и не укладывалось в голове: как это – отчий дом, маленький клочок земли, именуемый родиной, друзья, одноклассники и, наконец, огромная часть души. Все это осталось в Абхазии, и почему-то ей с мамой туда нельзя. И, когда придет время (а оно обязательно придет, как после ночи приходит день), когда будет можно.

– Так как в ближайшее время путь домой был несбыточной мечтой, надо было думать, как жить дальше.

– Еще в девяностые годы отец Дары, живущий с новой семьей в Сочи, купил однокомнатную квартиру в старом фонде, в хрущевке. Дара понимала, что это была финансовая компенсация за ее безотцовщину при живом отце. Но, надо отдать должное, компенсация солидная. Мать с дочкой, посоветовавшись, решили, что на сегодняшний день – это самый лучший вариант. Слава Богу, что руки, ноги целы, и с работой что-нибудь подвернется.

– И вот опять сборы в дорогу. Собрав нехитрые пожитки, попрощались с соседями, ставшими родными, и с пожеланиями удачи поехали в Сочи через Тбилиси, а потом — Северную Осетию. Это был большой круг, но выбора не было. И опять автобус колесил по горной дороге. Люди с какими-то пожитками с выражением отрешенности на лицах. – раньше Дара видела таких только в фильмах про войну. А теперь, подумалось с грустью, что и она, и мама такие же, как они. Вся дорогу Агбар спал у ног Дары, а при пересадках то сидел возле вещей, а то шел рядом с Дарой.

– Молодец, Агбар, привык к бродячей жизни, – мысленно похвалила его Дара.

– С сочинского вокзала Дара позвонила отцу, сообщить, что они уже на месте. А через минут пятнадцать она уже увидела его на вокзале, прохаживающимся возле скульптуры девушки с кувшином.

– Мам, смотри, вон отец нас ждет, – указала Дара в сторону отца. Наконец-то Заур тоже увидел их и пошел навстречу. Неуклюже потоптавшись несколько секунд на месте, он подошел ближе.

– Здравствуй, Дали.

– Отец Дары был высоким жгучим брюнетом с зелеными глазами, которыми наградил и свою дочь. Его густую черную гриву волос кое-где посеребрили седые пряди, особенно на висках. В уголках глаз появились заметные морщинки, но это ни в коем случае не портило его мужской, грубой

привлекательности, а, наоборот, придавало шарм. Дара заметила, что несколько мгновений отец и мама смотрят друг на друга в упор, и мгновения эти ей показались долгими-долгими. «Странно, – подумала Дара, – они поздоровались, как два деловых партнера. Без эмоций, как будто и не были когда-то мужем и женой – ни ненависти, ни неприязни, ни смущения, ни радости, ни у того, ни другого в голосах». А Дара все представляла себе их встречу и не могла представить.

– Затем Заур подошел к Даре и с нескрываемой радостью оглядел ее с ног до головы. С момента их последней встречи прошло года три.. Глаза отца смотрели с затаенной любовью, как будто он боялся, что обнимет дочь, а она его оттолкнет.

– Привет, пап, – как можно беззаботней сказала Дара. Но от наигранной беззаботности голос предательски дрогнул. Отец обнял Дару, поцеловал в волосы, и Дара не оттолкнула его.

– Агбар, следивший с любопытством за незнакомым человеком, приблизившимся к его хозяйке, что-то прорычал.

– Это моя собака, он из самого дома с нами едет, – объяснила Дара (но голос, говоря одно, спрашивал другое – не против ли отец этой собаки?)

– Это хорошо, – улыбнулся Заур и, не испугавшись тихонько рычавшего Агбара, потрепал его за ухом, на что пес перестал рычать и завилял хвостом.

– Он хороший, умный, пап.

– Кто сомневался! Собаки – верные и любящие друзья.

– В отцовской машине Дару с Дали ждала новая жена отца Нора с их сыном. Выражение лица у нее было приветливое, доброе, и это подбодрило Дали и Дару.

– Вы приняли правильное решение, приехав сюда, – обратилась она к Дали.

– Надеюсь, – бледно улыбнулась в ответ Дали.

– Симпатичный мальчишка лет семи – восьми, тесно прижавшись к своей маме, застенчиво улыбался Даре, не сводя с нее таких же зеленых глаз, как у нее и у отца.

– Это твоя сестра, сынок, – ласково потрепала по голове мальчика Нора, на что тот радостней заулыбался и тесней прижался к ней.

– Квартира была недорого, но со вкусом убрана. Везде чувствовалась заботливая рука Норы. Вся домашняя утварь лежала по своим местам, посуда, белье, пусть простенькое, но чистое, выглаженное.

– Ну, вот, располагайтесь. Вы здесь хозяева.

– Отец оставил на тумбочке стопку денег:

– На первое время хватит, потом еще помогу. И вообще, если что-нибудь надо будет (он перевел взгляд на Дару), звоните в любое время дня и ночи. Ну, располагайтесь, а то вы устали с дороги, а мы пойдем.

– Пойдем, сынок, – обратился он к ребенку, трепавшему Агбара за уши.

– Пойдем, но я скоро приду к вам в гости, – пообещал мальчик.

– Спасибо вам за все, – голос Дали дрогнул, и по щекам полились слезы. И это «спасибо» было таким искренним, таким выстраданным, что стоило, наверное, дороже всех ценностей.

– Отец смутился:

– Не стоит, вы же мне не чужие, ты – мать моего ребенка.

– А Нора подошла к Дали, взяла ее руки в свои:

– Ну, что ты, дорогая, не плачь, не надо. Будем надеяться, что все самое трудное уже позади.

– И так начался новый этап жизни Дара и Дали. Ни одна, ни другая не относились к тем нечестным молодчикам, способным быстро сориентироваться и сыграть в свою пользу. Таких были единицы – сказывались советское мышление, образ жизни. Жизнь становилась все сложнее и сложнее, работы – все меньше и меньше. Дара работала нянечкой в детском саду, а Дали нашла себе другое занятие – она ездила на границу, скупала зелень и перепродавала оптовикам на сочинском рынке. Не бог весть какие, но деньги, им хватало. А у отца Дара почти не брала денег, по-взрослому, сообщив, что им хватает.

– Как-то Дали привела в дом гостью, которую случайно встретила на рынке. Это была тетя Кэти, жившая с семьей в большом доме с винтовой лестницей недалеко от них в Гали.

– Дара, посмотри, у нас гости, – радостно с порога объявила мама. – Это тетя Кэти, ты ведь помнишь ее? Сестра

дяди Зоры.

– Конечно, мам, помню. Проходите, проходите, – засуетилась Дара. Тетя Кэти, еще молодая женщина, стала почти седой, а на ее лице буквально отпечатались следы страдания и грусти. За чаем тетя Кэти все рассказывала и рассказывала о войне (она не покинула своего дома) и все плакала и плакала. Плакала вместе с ней и Дали, спрашивая о знакомых, о родном доме. Дара лежала у себя в комнате, как натянутая струна, и пыталась ничего не слушать. Они оставили все самое дорогое, любимую родину, там, в Абхазии, не делая вид, как все это, такое святое, осквернит ужас войны. И сейчас она не хотела об этом даже слушать. Просто стук сердца стал более учащенным, а из глаз опять покатались слезы, слезы возмущения и безысходности. Она тихо позвала Агбара, лежавшего на балконе, а потом, уткнувшись в его теплую, собачью шерсть, долго и сердито плакала. Псу удалось время от времени лизнуть хозяйку в мокрое от слез лицо.

– Время шло. На смену осени пришла зима, бесснежная, южная. Она принесла с собой суету подготовки к Новому году, и люди, для которых хаос становился привычной картиной жизни, кинулись готовиться к празднику. На улицах особенно чувствовалась праздничная суета. И Дара подметила, что лица прохожих на какое-то время стали более светлыми и чуточку счастливее. Особенно радовались дети. Часто можно было наблюдать, как взрослые под их руковод-

ством покупают елочные игрушки, новогодние маски. Лица малышей светились от радости, и Дара завидовала белой завистью их горящим глазам, улыбающимся счастливым личикам. Вспомнилось, как она маленькая любила этот праздник, и даже больше самого праздника – подготовка. Они с мамой, не торопясь, ходили по магазинам, выбирая елочные шары и мишуру. Как хороши были эти большие чудесные шары разных цветов, переливающиеся всеми оттенками, с узорами и без. Выбирая их, мама всегда советовалась с Дарой (это были те редкие случаи, когда с ней, с маленькой, советовались, как со взрослой). Дома Дара рассматривала шары более тщательно, подставляя их под свет люстры и переворачивая в руках, от чего те искрились еще больше, а она приписывала им еще больше тайны и волшебства. И вообще от этого праздника так и веяло интригующим легким чудом. Оно, это чудо, как бы легонько соприкасалось с тобой, оставляло шлейф таинственности, который не хотелось разгадывать. Таинственность, по мнению маленькой Дары, после нового года уходило для того, чтобы вернуться через год. Пахло елочкой и мандаринами – это была коронная визитка Нового года. К Дали и Даре приходили гости, и они ходили в гости, в общем, все было чудесно.

– А сейчас взрослая Дара тщетно пыталась провести параллель между теми и этими ощущениями. Но, увы, вроде бы се было новогодним, а таинственность, загадка исчезли. От ароматов хвои и мандаринов наступало только чув-

ство ностальгии. И становилось ясно, что это даже не от того, что жизнь выделявала такие виражи, а от того, что все это осталось там, далеко, в той поре, именуемой одним словом – «Детство».

– Новогодний стол удался на славу – были традиционные сыры, кобы, сациви, аджика. Звонил телефон – поздравляли родственники: дядя из Москвы, тетя из Зугдиди. Семья отца справляла Новый год у них по приглашению Дали. Сначала Дара удивилась их общению, а потом только радовалась этому. Да и сама Дали не могла объяснить, как это она в добрых отношениях с бывшим мужем и в дружеских – с его женой. Но это было так. Наверное, большие жизненные трудности поменяли приоритеты человеческого общения. Дали с удовольствием рассказывала, как проходили утренники в садике, вспоминала забавные случаи из детских взаимоотношений. Нора тоже охотно рассказывала, и они вместе смеялись, смеялся и отец. В разговорах он участвовал меньше, но слушал внимательно и не оставался безучастным. Дара с удивлением подметила, что лицо мамы давно не было таким искренне радостным и улыбочивым, как будто за этот вечер она даже помолодела. Мама, бедная моя, любимая, мудрая мамочка, умеющая прощать, понимать, любить, такая слабая и такая сильная одновременно! Ты сумела так мудро выстроить свои отношения с человеком, перечеркнувшим твою женскую судьбу, смогла подружиться и принять ту, на чьем месте должна была быть сама. И Дара знала, что все это вы-

страдано, прощено, принято с чистого листа – ради нее, ради Дары. И в такие минуты Любовь к маме так была сильна, что практически захлестывала все существо.

– Ты что молчишь, Дара? – услышала она смеющийся голос Норы.

– Вас так интересно слушать, вот я и слушаю, – честно ответила Дара.

– Время от времени к ней подходил Дима и задавал какие-то вопросы, на которые Дара не всегда впопад отвечала. Потом он переключался на отца, тот выслушивал его более внимательно и что-то отвечал. Но в основном Дима была занят Агбаром, которого угощал вкусными лакомствами, пытался кататься на нем, давал какие-то команды, которые пес не всегда понимал, то ругал, то гладил. Но Агбар происходящим был доволен, весело поскуливая и виляя хвостом.

– Этот Новый год абсолютно был не похож на те, довоенные, но, надо признать, встретили его хорошо, даже весело. Было все: звон бокалов, льющееся шампанское, смех, беседы, маленькая красивая елочка и даже танцы. И ничего, что компания была маленькой – все удалось на славу, даже Агбар проникся общим весельем, радостно виляя хвостом и поскуливая.

– Так прошли праздники и опять наступили будни. Дали нравилась та нехитрая работа, которую она сама себе нашла – поездки на границу за зеленью. Тем более, что это давало ей возможность нет-нет да и встретить кого-нибудь

из знакомых. Она так радовалась таким встречам! Со временем от знакомых и от случайных собеседников Дали узнала, что некоторые едут обратно в Абхазию и восстанавливают свое жилье, если оно не разбито шальными снарядами. Женщин на границе не трогали, точнее, пропускали в независимости от их национальности.

– Было решено, что осенью Дара будет поступать в сочинский политехнический институт. И опять время шло своим чередом. Нельзя было не заметить явные перемены в обществе. Не было государственной стабильности, большинство людей, имея самые маломальские понятия, горячо судачили о политике. Многие винили в такой жизни Горбачева – последнего президента СССР. Дескать, это он, только он развалил некогда одно из самых сильных государств мира. Другие никого не винили, ибо настало время для предприимчивых зарабатывать деньги, и, самое главное новшество, что это можно было делать законно (хотя таких было немного). Были и такие, которые тщетно искали виновных и находили их в людях других национальностей. Представители некогда братских народов, не найдя виновных, винили друг друга. Таких было большинство, и чаще всего винили «лиц кавказских национальностей» (этот термин, как и многое другое появился после распада СССР). А кто-то пытался остановиться, вспомнить, как хорошо жилось в Союзе всем, независимо от национальности, и как это было правильно, и что Великую Отечественную войну выиграли все вместе,

и именно это было главным. А сейчас каждая республика сама себе хозяйин – отсюда и войны, а, соответственно, и беды с нищетой.

– С приходом осени, особенно здесь, на юге, ощущалось новое заболевание общества. «Желтая лихорадка». Сначала она была корольковой, а потом в след за ней, ближе к зиме, наступала мандариновая. Все эти фрукты, особенно мандарины, перевозились обычными челночниками в другие города. Люди, желая заработать, тащили на себе тяжелые мешки, пересаживаясь с ними с электрички на электричку. Нельзя было не заметить появление в людных местах, особенно на вокзалах и на рынках, нищих, попрошайек. И у каждого из этих бедолаг были свой кров, свои жизненные обстоятельства, вырвавших его из нормальной, налаженной жизни, доведшие их до этого образа жизни. Многие из них тут же пропивали «заработанные» деньги, но пили они не от сладкой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.